

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 27

1 июня 1944 года

№ 27

содержание:

Седьмая беседа старого казака
с молодыми

★

Забытые казачьи войска —
историческая справка

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Кра-
снов

★

Иван Федорович — картины
из станичн. быта

★

Страшный риск — из воспомин.
летчика-казака

★

Лбищенский рейд (продолже-
ние) — А. Погодаев

★

Фронтвики пишут...

★

Стихотворения П. Донскова
и Ник. Келина

★

Розыски

В ШКОЛЕ ЮНЫХ КАЗАКОВ
На выводке лошадей

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседе седьмая.

Конь — боевой друг казака.

В старину учили: конь — главное оружие кавалериста. Сто лет тому назад так оно и было. Тогда, когда конница была «царицей полей сражения». Когда конной атакой масс кавалерии венчалась победа. Атака эта строилась на основе механической формулы $mv^2 : 2$ — массе, умноженной на скорость в квадрате и деленной на два. Росли тогда тяжелые кони, сидели на них огромные люди, закованные в медные или стальные доспехи — кирасы. Стремительны были на сокрушительном карьере их атаки.

Теперь эта формула неприменима... Почти неприменима, ибо и теперь могут быть подходящие случаи.

И в наш век машин конница не утратила своего бывшего значения. Местность: горные тропы; болота; глубокие снега; время года — осень или ранняя весна с их распутицей; зима с ее метелями и заносами. Время дня — темные непогожие ночи... Необходимость тишины и незаметности для внезапного нападения — все это создает обстановку, когда машина или отказывает, или шумом своих моторов и колес выдает себя чуть не за версту и когда конница приходит заменить моторизованные части.

Где олень пройдет — там казак пройдет...

Конный казачий отряд с горными пушками на выюках, серой мышкой так везде проскользнет, что его не увидишь, как раздастся казачий гик и загремят казачьи пушки.

Рано петь отходную коннице. Казаки послужат на своих конях еще и не раз.

Для казака его конь не только его оружие, но он еще и друг. А, если конь притом-же «доморощенный», то это и память о семье, о доме, о всех близких и дорогих.

Сколько песен, сколько звучных красивых стихов напел и сложил казак о коне. Сколько в них заботы и любви к коню.

У меня, молодца, было три товарища:

Первый товарищ — мой конь вороной,

А другой товарищ — я сам молодой,

А третий товарищ — сабля вострая в руках...

Так ставит коня впереди самого себя разбойник — казак, которого ведут на допрос.

Молодая жена — после отца с матерью — самое дорогое для казака существо —

... коня подводит мужу,
Племянник пику подает...

Сопровождающий на службу сына казак отец так напутствует его: —

... — «Коня даю тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.

А добрый конь все наше счастье,

И честь и слава казака,
Он нужен в счастье и в напасти,
И за врагом и на врага.

Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
А лошадь в холе содержи...

Тот колет пикою ловчее,
И в деле тот и молодец,
Кому коня добыл добрее
Дед, прадед, дядя, иль отец...

Не давал казак своему коню никаких хитрых и звучных имен, не назвал его ни «Альмансором», ни «Казбеком», ни «Шахом». Но сколько трогательной ласки в этом обычном обращении казака к своему коню:

— Кось!.. А, Коська!!

Что-же такое конь — какова его порода и природа? Почему конь так полюбился воину-казаку и всякому человеку, живущему близко к природе и работающему на земле..

Основных конских пород две: лошадь передней Азии и северной Африки — аравийских и африканских пустынь — арабская и лошадь центральной Азии, бесконечных пустынь и степей — монгольская.

Первая — красива, изящна во всех своих движениях, стройна, нарядна; глаз на выкате, щучья головка, тонкая грива и чолка, хвост в отделе. стройная нога. Вторая — грузнее, у нее короткая грубая шея, тесные ганаша, большая голова, грубый хвост, длинная грива, косматая, короткая нога.

Но лошадь так давно служит человеку, что под его влиянием, разводимая в разных климатах, условиях корма и для разных целей она перерождалась с веками и давала все новые и новые породы, уже далеко отошедшие от основных.

Существует легенда — предание, дополняющая библейский рассказ о первых людях на земле — Адаме и Еве. Когда Адам и Ева были изгнаны из рая за грех, и должны были начать трудовую и тяжелую самостоятельную жизнь, за ними пошли в добровольную работу, чтобы им служить и помогать всюду и везде — лошадь и собака. Так и стали они верными и неизменными слугами человека.

На древних Египетских пирамидах и обелисках, на рисунках, находимых на папирусах есть изображения лошадей под всадниками и запряженных в колесницы — лошади эти схожи с арабскими.

На старинных вазах, где изображены скифы, жившие на крайнем юго-востоке Европы, на старинных китайских картинах изображенные лошади — типа монгольского.

В описании похода 10.000 греков через Малую Азию под начальством полководца Ксенофонта, похода, бывшего за триста лет до Рождества Христова, так называемого «Анабазиса» (исхода) Ксенофонта, есть поразительное описание и наставление, как выезживать лошадь и как на ней

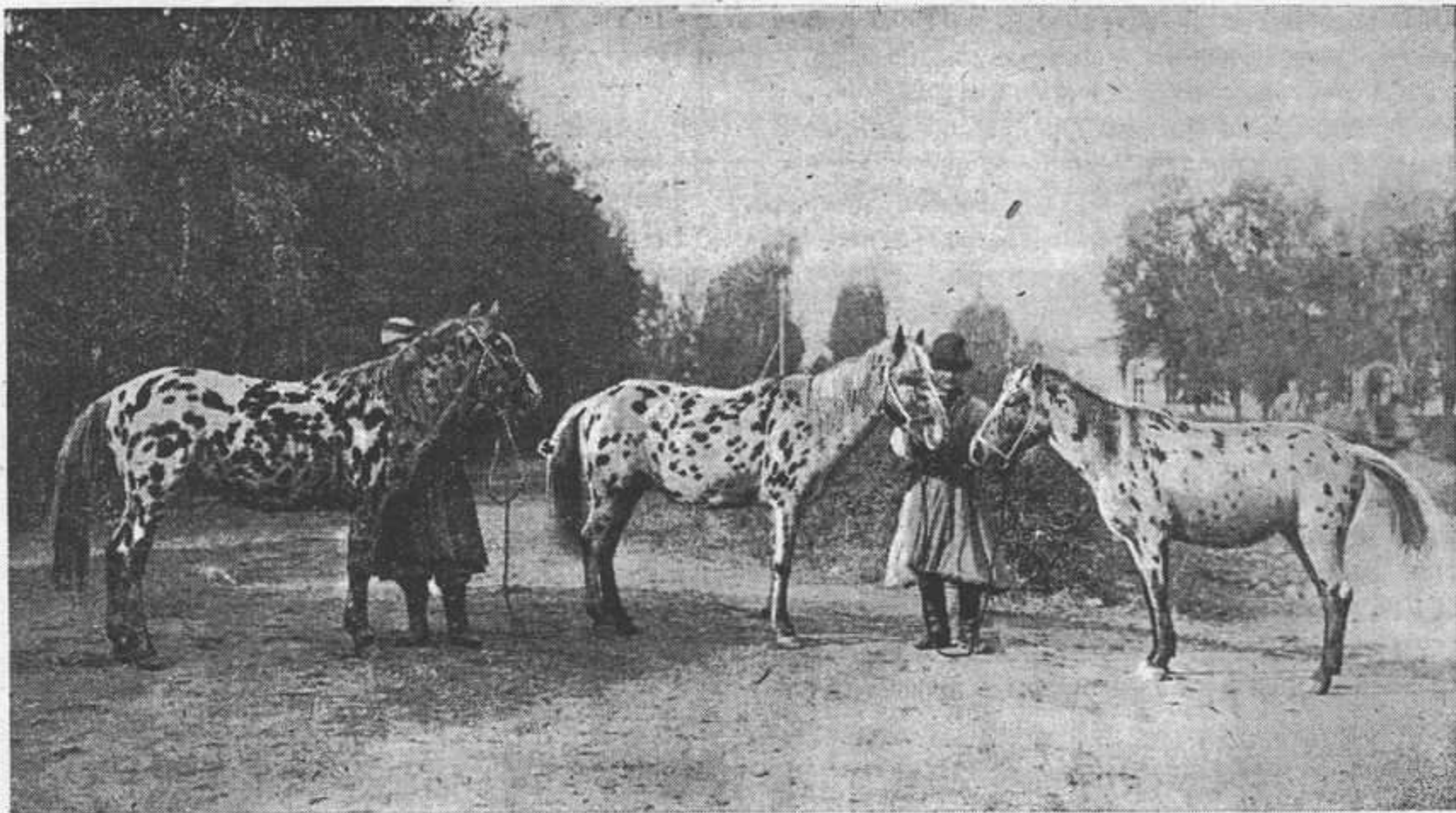
ездить. Там те-же правила езды и выездки, что и в нынешнее время. Тоже — равновесие лошади под всадником, те-же аллюры, те-же правила сбережения и ухода за лошадью.

Так из века в век, служа человеку и работая на него, лошадь меняла и свой внешний вид и свои достоинства, приспособляясь к тому, что от нее требовал человек.

Лучшею по стойкости породы и по способности улучшать другие породы почитается арабская

порода, стройная, с прямою спиною, с тонкими сухими длинными ногами. Она красивее английской лошади. На скачках английскую лошадь побивала только туркменская.

Так создались две чистые по крови породы лошадей: — чистопородная — арабская и чистокровная — английская. Остальные породы называются или по своему месту рождения или по сорту: монгольские, киргизские, калмыцкие, воронежские, тамбовские, донские, кабардинские, ка-

Редкие пегие киргизские лошади

лошадь. Чистая арабская лошадь носит название чистопородной.

Несколько лет тому назад от этой чисто породной арабской лошади в двух различных концах старого света — в Англии и в Азиатских степях Туркестана путем воспитания, корма и подбора образовались две новые породы, сходные по качеству, самые резвые и сильные лошади в мире: — английская и туркменская.

Англичане ради «спорта», ради скачек, стараясь создать самую резвую и не на коротке лошадь, воспитанием, «тренировкой» соответствующим кормом, при совсем иных, чем в Аравии климатических условиях создали «скаковую» лошадь. Она более длинная, чем арабская, рослее ее, с прямою спиною, с тонкими сухими ногами, с большим сердцем и объемистой грудной клеткой. Эта лошадь еще более чем арабская могла улучшать породу других лошадей. Она получила наименование «чистокровной». И только она и носит это название.

Туркмены, степные разбойники в своих набегах, «саламапах» по пустыням, принужденные быстро пробегать громадные расстояния, нуждались в сильных и резвых лошадях, неутомимых в походе. Так создавалась такая же резвая и выносливая лошадь, как английская — туркменская. Она и внешне похожа на английскую — высокая ро-

рабахские, восточно-пруссские, ганноверские, венгерские, норманские, ирландские, испанские и пр. и пр.

Рожденная от чистокровного жеребца и иной породы матери, лошадь носит название полукровной. Потомство чистокровного жеребца и полукровной матери будет $\frac{3}{4}$ кровная, далее будет $\frac{7}{8}$ кровная и так далее до $\frac{31}{32}$ кровной. За границей такие лошади в конских родословных — так называемых «студ-буках» считались уже чистокровными; на старых русских заводах они считались не чистокровными, но лишь высококровными.

Ни в одном государстве мира не было столько различных пород лошадей, как в старой Российской Империи.

От маленьких финок и крепеньких вятков, от нарядных Орловских рысаков и до огромных Битюгов. Были чистокровные — государственных заводов Яновского, Хреновского, Деркульского; частных заводов Лазарева, Манташева, польских заводов князей Любомирских, Красинских, Враницких; были чистопородные арабы Хреновского и Деркульского разсадников и заводов князя Сангушко и графа Строганова. И множество полукровок, англо-арабов, арабо-кабардинцев, наконец, знаменитая лошадь Задонских степей. В горах Кавказа были кабардинцы, карабахи, татарские лошади, у Волги

калмыки и дербеты; дальше в Азии киргизы и торгауты и наконец — монголы...

Без конца пород...

И, как нигде мастей и отмастков. Так называемых «рубашек» лошадей. Каждая масть имела свое особое наименование. Чолка, грива и хвост называются общим именем «навис». Точное и верное название! Все «нависло» на лошадь, потому и навис.

Основные масти: — вороная — Боже упаси сказать «черная лошадь» — засмеют казаки. Каракочная, гнедая, рыжая и серая. Белых лошадей никогда не называют белыми, но всегда серыми. Серая лошадь в молодости до 4-5 лет бывает стально-серой, потом с годами белеет, а в глубокой старости покрывается коричневатой «гречкой». Белыми лошадьми называют только редкую арабскую породу лошадей чисто белой шерсти по черной коже. Эти лошади и в молодости белые.

Дополнительные масти: — карая — вороная с темно бурым отливом. Подвдасая — каракочная с большими подпалинами; бурая-темно рыжая. Большинство рыжих лошадей с годами становятся бурыми. Красно-гнедая — гнедая с красным оттенком шерсти.

Отмастки: игреня — рыжая с белесоватым нависом; каурая — рыжая в прожелть, на-

вис такой или светлее, иногда темный ремень по хребту; саврасая — рыжая впрожелть, навис и ремень по хребту черные; соловая — светло рыжая, навис белый — священная у калмыков масть; буланая — светло-рыжая, навис черный и ремень по хребту; сивая — вороная с проседью, навис такой же или светлее; мышастая — пепельного цвета; чалая — сплошной мешапой шерсти рыжей и белой; или серая или сивая с черным хвостом и гривой. Бывают и вороно-чалая и гнедо-чалая и рыже-чалая и вкаура-чалая; пегая в больших белых пятнах по основной шерсти и, наконец, чубарая в небольших угловатых пятнах.

Перейдем теперь к казачьим лошадям.

Вы перебили меня вопросом: умное ли животное лошадь?

По существу — вопрос ненужный — праздный. Я спрошу вас, умен-ли человек?

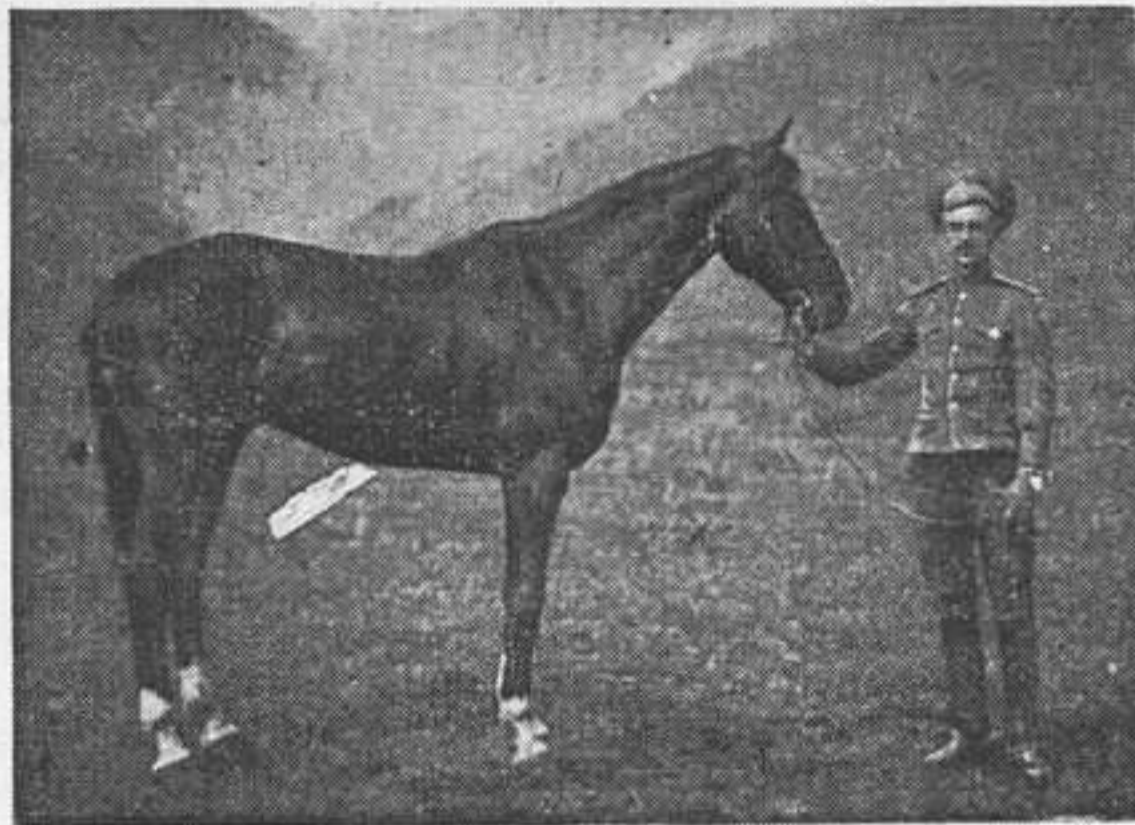
Разные бывают люди. Бывают умные, бывают ученые, бывают насвистанные каким нибудь коммунистическим диаматом, или программой по истории ВКП(б) и бывают круглые дураки, такие дубины, что, прости Господи! Вот так и лошади...

Вижу, все таки, что вопрос о лошадином уме спорный для вас, для меня он бесспорный, ну так следующую беседу посвятим этому вопросу.

Старый казак

Сотник 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка Анненков, со своим конем «Напралом», из Государственного Стрелечного Завода. Сотник Анненков — впоследствии знаменитый партизан и Атаман, долго боровшийся с большевиками и расстрелянный ими, когда был обманно заманут.

Фотография 1908 года.

Конь ретивый

Чую ржешь, мой конь ретивый,
Вьешь копытом огневым,
Глаз косишь ты в даль игриво,
Скоро, скоро полетим.

Скоро повод путь укажет,
Заскрежешут удила,
Звонкий топот нам расскажет,
Как сынов ты, степь, ждала.

Все, чем годы ты дышала
Передашь нам на скаку
И от Дона до Урала
Ширь откроешь казаку.

Зацветут твои просторы
Алым бархатом лампас,
Мой ретивый, скоро, скоро,
Край родной обнимет нас.

П. Донсков

Забутые казачьи войска

(Историческая справка).

В последнее время Казачья Семья состояла из одиннадцати войск: Донского, Уральского, Терского, Кубанского, Оренбургского, Астраханского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Семиреченского и Уссурийского. Кроме того из отдельных казачьих команд, поселенных в разных городах Сибири, составлены сотни Иркутских и Енисейских казаков. К ним следует отнести и Якутских казаков, которые, хотя и не значатся в официальном перечне казачьих частей, но продолжали существовать до последнего времени. Депутация этих забытых казаков, явившаяся на коронацию в 1896 году, вызвала настоящую сенсацию в С. Петербурге.

Но помимо перечисленных выше казачьих войск существовали раньше десятки других войск и частей как казачьих, так и бывших на положении казачьих, память о которых давно истерлась. Так существовали казаки Чугуевские, Бахмутские, Торские, Маякские и т. д. Чугуевские казаки сформированы были в 1700 году из живших в Чугуеве казаков и из донских и янцких казаков, служивших в Орле, Курске и Обояни, а также из крещенных калмыков и татар. Часть этих казаков, т. н. «чугуевские казаки Петербургского легиона», преобразованные позже в «Придворную Чугуевскую казачью команду», включены были в 1796 году в состав «Лейб-Гусарского — Лейб-Казачьего полка». Преемником последнего является лейб-гв. Казачий Его Величества полк.

Из другой части Чугуевских казаков в 1801 году был сформирован Чугуевский казачий полк, преемником которого являлся II-й уланский Чугуевский полк.

Для охраны отобранных в казну Бахмутских соляных ключей сформирована была в 1701 году «Бахмутская казачья кампания». Кроме Бахмутских казаков, в «кампанию» вошли казаки Терские и Маякские. В 1748 году «кампания» была переформирована в «Бахмутский конный казачий полк», преемником которого являлся 4-й гусарский полк.

Бугское казачье войско сформировано в 1774 году из молдаван, валахов и других задунайских христиан и во время войны перешедших на сторону России. Из этих поселенцев в 1785 году сформирован был Бугский конный казачий полк, который в 1817 году поступил в состав военных поселений. Преемники Бугских казаков — 7, 8, 9 и 10 уланские полки.

В 1787 году однодворцы, поселенные в Екатеринославской губернии по бывшей украинской линии, обращены были в казачье звание, составив Екатеринославский казачий корпус или Екатеринославское казачье войско. В 1796 году войско было упразднено, а казаки назначены в состав Вознесенского казачьего войска из 8-ми полков, которое, однако, образовано не было. Дунайское казачье войско сформировано было в 1807 году из живших в устье Дуная беглых запорожцев, известных под именем Бужанских. В 1856 году Дунайское войско переименовано в Новороссийское, которое существовало вплоть до 1868 года.

Украинское казачье войско было создано из способных к казачьей службе населения Киевской и части Каменец-Подольской губернии. Преемниками этого войска являются 7, 8, 9 и 10 уланские полки.

В 1820 году сформировано было Азовское войско из задунайских беглых запорожцев, перешедших во главе

со своим атаманом Гладким в 1828 году на сторону русских и оказавших своей флотилией большое содействие переправе через Дунай. Из этого войска в 1832 году создано было новое войско — Азовское, которое обязано было выставлять морской батальон, пеший полубатальон и несколько команд для крейсерства на лодках по побережью Черного моря. В 1864 году войско было упразднено.

В 1731 году крещенные калмыки, поселенные в окрестностях Ставропольской крепости, составили «Ставропольское калмыцкое войско». В 1842 году ставропольские казаки были присоединены к Оренбургскому казачьему войску.

Для участия в войне с французами было сформировано 20 Башкирских казачьих полков. В 1855 году к Башкирскому войску были причислены темяри и бобыли Оренбургского края. Во время русско-турецкой войны сформирован был Башкирский конный полк, упраздненный в 1882 году. Рассказывают, что во время одного из смотров, генерал, чтобы отметить прекрасное состояние полка, закончил свою речь словами: «Молодцы, ребята! Дать бы вам кивера». Башкиры долго недоумевали, за что их хотят «киверать» (ковырять), раз они молодцы.

В 1827 году за боевую службу в Отечественную войну конно-татарских полков, бывших на положении казачьих, из крымских татар сформирован был II. гв. Крымский татарский эскадрон, преемником которого являлся Крымский конный полк.

В 1775 году из греков и албанцев, служивших в продолжении Турецкой войны в Архипелаге и поселенных близ крепости Керчь и Еникале, было учреждено Греческое (Албанское) казачье войско. Из этого войска в разное время были сформированы Греческий полк, Албанский дивизион, Балаклавский греческий батальон, сформированный в 1859 году.

На положении казачьих частей состояли также Малороссийские конные казачьи полки. Литовский (Польский) конный полк, Ногайский, Калмыцкий (Астраханский), Туркменский дивизион. Сюда следует отнести «Московский казачий полк», сформированный в 1812 году графом Дмитриевым-Мамоновым из своих людей, а также «Китайский туземный отряд» сформированный в 1905 году из хунхузов, китайцев и русских охотников.

Для полноты списка отметим «Амазонскую роту», сформированную в апреле 1787 года «из благородных жен и дочерей балаклавских греков». Учреждение ее относится ко времени приезда в Крым императрицы Екатерины II. В мае того же года рота была распушена.

Окончание повести Т. Левшиной

«ТАИС»

будет помещено в следующем номере нашего журнала.

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение *).

XXVII.

Поголовное ополчение Донского войска. Платов на Дону.
Опустевший Дон.

Через день после Бородинского сражения Платов был выван в главную квартиру Кутузова и получил от главнокомандующего приказание ехать на Дон и поднять все Донское войско на защиту России.

29 августа атаман поскакал на почтовой бричке на Дон. Зашумел тихий Дон грозным воинственным шумом. Поднимались верхние и нижние станичные юрты. По слову атамана старые и молодые, седые и безусые, богатые и бедные собирались к станичным знаменам. Снаряжались новые полки. Как в пору таинственного похода «к стороне Оренбурга» со всех хуторов потянулись в станицы казаки. Шли давно уволенные в «чистую» (отставку), являлись единственные сыновья — опора покинутой ушедшим отцом семьи. Каждый помогал ополчению кто чем мог. Донское дворянство выставило 1500 лошадей; торговые казаки пожертвовали 100 тысяч рублей на нужды поголовного ополчения. Несли седла, оружие, одежду. В какой-нибудь месяц было создано 26 полков и снаряжено 6 орудий Донской казачьей артиллерии.

Платов ездил из станицы в станицу. Он приказывал полкам стать вокруг него.

Тишина... Торжественно, как в драме... Недвижно стоят казачьи кони. Тепло в осеннем воздухе. Тихо в степи подле станицы. Медленно плывут в прозрачном воздухе белые паутинки.

Платов стоит в середине круга.

— Друзья! Сам милосердый Бог ускорил ваш путь, — вдохновенно восклицает он. — Наступило время Донцам доказать всю силу нашего убердия к Богу, Государю и отечеству. Мы в душах запечатали милости царские; у нас в душах — отечество. Не щадя голов своих, докажем мы снова наше рвенне, нашу любовь...

Рвется от волнения голос атамана. Кто-нибудь вздохнет в рядах и скажет негромко:

— Один раз родила казака мати — один раз и умирати.

— Вы Донцы! — с новою силою восклицает Платов. — Вы сыны земли Русской! Не утерпели ваши сердца. Вы прилетели соучастники общей славы!.. Друзья!.. Злодей в стенах Москвы. Он все в пепел обращает; он, может быть, алчет распространить зверство свое и в дальнюю внутренность России. Преградим путь врагу свирепому: умрем здесь, или выгоним его из земли Русской. Вы охотно пришли подкрепить нас. Правосудный Бог нам поможет! Враг идет на нас с адом — мы пойдем с крестом животворящим. Если бы Бог попустил... если бы враг прорвался до берегов тихого Дона, не пщадил бы он ни жен, ни детей наших. Кровь наша смешалась бы с волнами тихого Дона. Поруганы были бы храмы Господни. Встревожили бы прах отцов наших. Друзья и братья! Воскликнем к Господу сил: не для нас, Господи, для Имени Твоего вспомоществуй нам поразить, устыдить и изгнать врага!

Гордым смелым рокотом несется из полковых казачьих рядов:

— Готовы умереть резде, где ты, наш отец, нам прикажешь! Отмстим, отмстим злодеям за кровь братьев наших! Умрем, а далее врага не пустим!

Неслась, раздавалась в те дни по Российским дорогам бодрая песня казачья, что пели песельники в полках, спешивших на выручку Москвы.

— Грянул внезапно гром над Москвою,
Выступил с шумом Дон из берегов...
Все заплывало мценем, войною —
Против врагов.

А-ай Донцы... Молодцы...

— Только раздалось Царское слово:

— «Россы-полканы. Враг под Москвой» —

Тотчас сто тысяч храбрых готово

Броситься в бой.

А-ай Донцы... Молодцы...

Ринулись чада Тихого, Дона,
Мир наумился, враг задрожал.
Рушилась слава Наполеона —
Он побежал.

А-ай Донцы... Молодцы...

Опустел Тихий Дон. Без хозяев казачьи курени. Заваливаются плетни. Оседают ворага. Некому их приклячивать. Надрываются в тяжелой работе казачки — жены и матери. Сколько могут им помогают немощные старики. Соберутся вечером в осеннюю тихую погоду у берега Донские казачки и поют: поют печально, тихо, надрывно, точно молятся... Будто плачут:

— Ой ты, батюшка наш, славный тихий Дон.
Ты кормилец наш, Дон Иванович.
Про тебя-то лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как, бывало, ты все быстер бежишь,
Так быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь.
Помутился ты, Дон, сверху до низу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как то мне все мутно не быть:
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, Донских казаков,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком...

XXVIII.

Наполеон в Москве. Пожар Москвы. Просьба Наполеона о мире. Отзыв об этом прусского майора Карла фон Клаузевица.

В ночь 1 сентября Кутузовым был отдан приказ об отступлении Русской армии через Москву на Рязанскую дорогу.

2 сентября Наполеон подошел к Москве и остановился у Воробьевых гор на Поклонной горе. Он знал об отходе Русских войск. Он ожидал, что к нему явятся представители города, поднесут ему на бархатной подушке ключи города; что колокольным звоном, криками восторга, улицами с домами, украшенными флагами, полным радостного народа — его победителя — встретит город. Так бывало всегда во всех больших городах Европы, которые он брал в эти годы.

Но... Там была — Европа... Здесь — Россия. Почти что — Азия.

Тих был город. В полуденном туманном мареве точно услала Москва.

В четвертом часу по полудни авангард Мюрата вошел в город. Москва была пуста. Жители покинули ее. Раскрытые ворота — побитые стекла в домах. Во дворах клочья сена, солома, конский навоз, следы торопливой укладки, валяющаяся сломанная домашняя обстановка, разбитые ящики — все то, что не успели или не могли увезти уходившие из Москвы жители, хозяева этих домов. Следы грабежа оставшимися. К этому грабежу скоро присоединились солдаты Наполеоновой армии.

И в ту-же ночь — пожары... Кто, по чьему приказанию, жег Москву? Пылали богатые особняки, горели торговые ряды, маленькие домишки бедноты городской. Пожар подходил к самому Кремлю, где остановился Наполеон.

Так будто бы приказал граф Ростопчин, бывший начальник Москвы и увезший из Москвы пожарные обозы... Или горела Москва потому, что расположившиеся по улицам и площадям ставшие по дворам биваками солдаты не соблюдали предосторожности и раскладывали костры где попало, или потому, что оставшиеся в ней подонки населения поджигали ее. Москва сгорала. Наполеон должен был оставить Кремлевский дворец и переехать в окрестности города.

Таинственная, влекущая «Москва» достигнута. Взята столица Русской Империи... Половина армии полегла на полях Смоленска и Бородина. Еще треть осталась растянутой на длинном пути от Вислы до Москвы. Победы не было. Император Александр не просил о мире. Русская армия, целая и неповрежденная стояла на Рязанской дороге. Она угрожала тылу Наполеона. Она преграждала пути на богатый юг, который только и мог прокормить армию Наполеона. Уже ощущался в ней недостаток продовольствия. Никто не ве-

* См. №№ 17—26 «На Каз. Посту».

припасов в Москву. Крестьяне дубьем встречали фуражиров, а когда посылали с фуражирами воинские команды — они наткнулись на казаков.

Но мир должен был быть. Наполеон взял Вену и Император Франц просил о мире... Так было всегда... Почему же император Александр молчит?

Наполеон отправил к Кутузову своего генерал-адъютанта Лористона с письмом Императору Александру. Он просил о мирных переговорах.

Александр отклонил переговоры. Он оставался верен своему слову. Враг до последнего солдата должен оставить Русскую землю, раньше этого не может быть никаких разговоров о мире. Договариваться о мире с врагом, сидящим в горящей Москве было невозможно.

В войну 1812-го года при Русской армии находился сначала, как оберквартирмейстер кавалерийского корпуса графа Палена 2-го, потом при корпусе Витгенштейна прусский майор Карл фон Клаузевиц. Считая долгом своим бороться с Наполеоном, поработившим его родину — Пруссию, он поступил в Русскую армию. Это был вдумчивый, высоко образованный офицер, создавший потом огромный военно-философский труд «О войне». Труд этот стал основанием немецкой военной науки «стратегия». Клаузевиц проделал с Русскими войсками все походы 1812, 1813 и 14-го годов. В описании этих войн Клаузевиц пишет: — «отступление Наполеона было неизбежно и самый поход оказался неудавшимся с той минуты, когда император Александр отказался заключить мир. На достижении этого мира были построены все расчеты; в этом отношении Наполеон, конечно, ни минуты не обманывался»...

Москва была ваята... Мира не было. Что же дальше?.. Оставалось только... отступление.

XXIX.

Сражение у Тарутино 5-го октября. Отступление французской армии из Москвы. Дело у Малоярославца 12-го октября. Городня 13-го октября. Зимний поход. Переправа через реку Воль 28-го октября. Платов пожалован в графское достоинство. Поражение маршала Нея у села Гусино. Березина 12-го ноября. Наполеон покидает армию. Казачья добыча. Пожертвования на церкви. Конец «отечественной войны».

Престарелый Кутузов, всю жизнь проведенный в походах и войнах видел то, чего не видели его более молодые сотрудники. Он видел разложение французской армии, он понял, что настало время, когда, как он сказал в Филях, французы начали питаться конским мясом. Он считал, что теперь его задача сохранить, одеть, обути, накормить, словом, сберечь Русскую армию, предоставив «дванадцати языкам» погибать своею смертью при отступлении по ими же разоренной дороге.

Но когда «партии» (разъезды) выяснили, что в лесах, недалеко от селения Тарутино весьма безопасно стоит авангард Мюрата и когда штаб Кутузова стал настаивать на том чтобы атаковать Мюрата, фельдмаршал очень неохотно дал на то свое согласие.

Была составлена «диспозиция» — приказ армии, и Русская армия, отдохнувшая на Рязанской дороге пришла в движение. Все жаждали боя; все были уверены в победе. Осенние дороги были грязны. Орудия и повозки утопали в болотах. Отдельным колоннам приходилось идти по глухим лесным проселкам. Пехота подвигалась медленно. Ночное движение с расчетом напасть на Мюрата на рассвете не удалось. Пехотные колонны блуждали в лесах, и к рассвету, 6-го октября, к реке Чернишне, на которой стоял биваком Мюрат подошла только казачья колонна графа Орлова-Денисова.

У Мюрата было несколько десятков тысяч конницы, пехоты и артиллерии, у Орлова-Денисова 9 конных полков, неполные пять тысяч. В ожидании подхода пехоты казачий отряд остановился на опушке леса и послал дозоры наблюдать за неприятелем. Были получены донесения, что французы не подозревают о присутствии по близости от них казаков. На биваке, в палатках и шалашах было тихо. Солдаты спали. Просыпалась только конница и казаки видели, как на непоседливых лошадях и без оружия проехали солдаты на реку поить лошадей.

Наступал мурый осенний день. Ветер был голыми ветвями, срывая с них последние листья. Пошел мелкий, холодный дождь. В серую дымку тумана закутался французский стан.

Казачьи полковники съехались к Орлову-Денисову. — Ваше сиятельство, начинать что-ли? — спрашивали они.

Орлов-Денисов посматривал на часы, на восток, откуда по лесной дороге должны были выходить пехотные колонны. Но

там не было заметно движения. Было тихо, только лес мерно гудел, да сыпались с неба ледяные капли дождя.

— Ведь, проснутся, ваше сиятельство. Тогда тяжелее будет... А теперь и одни ловко управимся.

— Ну!.. С Богом!..

Полковники поскакали по своим полкам.

— Г-инии!.. Г-инии! — раздалось в сыром холодном утре и сотня за сотней, из леса понеслись пятьдесят казачьих сотен.

Нападение было столь неожиданное и стремительное, что французы не успели очнуться от сна и понять, что же это происходит? когда весь лагерь левого крыла и 38 орудий были отхвачены казаками. Полки рассеялись по стану, били разбегающихся, сгоняли толпы пленных, вывозили пушки, поджигали зарядные ящики. Вежде были тревога и ужас.

Но Мюрат увидел, что казаков мало. Он устроил свой отряд в середине бивака. Успешные поседать кирасиры бросились на казаков. В это время на выстрелы и на пламя и дым пожаров вышла первая Русская колонна. Среди поваленных шатров громадного стана, на лесной опушке, между брешенных пушек и повозок разгорелся беспорядочный бой. Мюрат собирал полки и вводил их в дело. Русские войска теснили его, наконец, сбили к Калужской дороге, принудив к поспешному отступлению.

Как только известие о Тарутинском сражении и поражении Мюрата дошло до Москвы — французская армия стала покидать Русскую столицу. Ночью с 6-го на 7-е октября ломали сделанные по дворам и площадям шалаши и балаганы для солдат. Телеги и повозки вдруг распухших обозов потянулись из города. Каждый старался увести добычу, набранную в Москве. В колясках и каретах везли меха, одежду, посуду, серебро, содранные с икон, ризы священников, всякую домашнюю рухлядь. Войска пришли в разстройство: каждый думал лишь о том, чтобы дотащить до дома награбленное и уйти поскорее из нелюбимой страны. Беспорядочно выступали из Москвы полки армии дванадцати языков.

12-го октября у города Малоярославца произошло небольшое авангардное дело. Утром 13-го, Наполеон с генералами Раппом и Коленкурром с небольшим конвоем гвардейской кавалерии выехал из главной квартиры, чтобы осмотреть поле бывшего накануне сражения. Все чувствовали себя в полной безопасности. Они были среди своих войск. Не отъехали они и версты от бивака гвардии, как увидели у деревни Городни, стройную колонну конницы, выходящую из леса.

Она шла в таком образцовом порядке, так чисто было равнение в рядах, так стройно было ее движение и отчетливы промежутки между эскадронами, что Наполеон был уверен, что это идет его, французская, конница.

— Государь! Это казаки! — испугано крикнул Коленкур.

— Не может быть, — сказал Наполеон.

Вдруг колонны сделали заезд по четыре, развернули фронт и помчались в суровом молчании на Наполеона.

Рапп схватил под уздцы лошадь Наполеона и насильно повернул ее назад.

— Да это наши, уверяю вас, — сказал Наполеон.

Как мог он допустить мысль, чтобы совсем подле его гвардии могли быть казаки?

— Это казаки! Медлить нельзя, государь, — сказал Рапп.

— Вы правы! Это и правда, кажется, они.

Из леса колонна за колонной выходили полки и, быстро строясь, неслись на Наполеона.

Император выхватил шпагу из ножен, приказал своему конвою встретить казаков и помчался к лагерю.

Эскадрон, сопровождавший Наполеона был разметан и уничтожен сотней Атаманского полка. Под Раппом ударом казачьей пики была убита лошадь. Она упала на него, прикрыла его и тем спасла его от плена.

Никто из казаков, ни сам Платов, ведущий полки, не смогли, предположить, что маленький человек, в сером меховом сюртуке мчавшийся на серой лошади к биваку был сам император французов — Наполеон.

Платов направил полки на артиллерийский бивак. Казаки захватили 40 орудий гвардейской артиллерии. 11 увез Атаманский полк, 29 были наскоро заклепаны. Тем временем Наполеон успел бросить навстречу казакам гвардейскую конницу маршала Бессьера, которая и отогнала казаков.

Прусский майор Карл фон Клаузевиц пишет об этом деле: — «Первый день отступления французов, или вернее дневка 13/25 октября 1812-го года ознаменовалась смелым налетом, который Платов произвел рано утром на центр французской армии близ Городни; Платову досталось 11 орудий и сам Наполеон едва не попал в плен. В тот же день другие казачьи отряды появились под Боровском. Таким образом, уже в самом начале отступления среди французов распро-

страшились, как страх перед казаками, так и серьезная тревога относительно предстоящего отступления»...

Не одетая по зимнему, не готовая к морозам Русской зимы французская армия, не продуманно двинулась по той же дороге, по которой шла на Москву. Так было легче и проще. Без боев... Города и деревни были разорены и частью сожжены. На ночлегах войскам негде было укрыться и обогреться. Продовольствия не было. С первых дней ноября начались морозы и пошел снег. Жестокая стужа увеличивала страдания французов. Они отмораживали руки и ноги, падали в сугробы и замерзали на смерть. Казаки находили биваки с целыми ротами замерзших солдат. Однажды, прогнавши небольшую часть французских солдат, сидевших у костра, казаки нашли в котле варившееся человеческое мясо.

Полки и батареи бросали оружие и пушки и сдавались перед небольшой казачьей партией.

Все тяжести зимнего похода и ужасы голодных морозных ночлегов которые испытывали французы — приходилось испытывать и казакам корпуса Платова. Но с казаками шла победа. Они чувствовали за собою мощную поступь армии Кутузова, оправившейся и пополненной. К казакам доверчиво выходили жители из лесов и чем могли делились с ними.

28-го октября отряд итальянцев под командою Вице-Короля Евгения Богарне подошел к реке Вопи. Мост через реку был разрушен. Крутые берега обледенели. Сзади напирала казачья конница. По реке шло ледяное сало. Попытка построить мост кончилась неудачей. Не было под руками леса. В ближайших лесах гремели выстрелы — там были казаки Платова. Короткий зимний день догорал. Люди стали спускаться в ледяную воду и по пояс в воде брели на другую сторону. Итальянцы торопились переправить через реку пушки и обозы. Дно было вязкое. Колеса застревали в нем. В это время на них наскочили казачьи сотни. 23 орудия, весь обоз и 2.000 пленных были захвачены казаками.

Промокшие, иззябшие итальянцы хотели стать в ближайшем селении Духовщине, но там уже стали два полка казаков генерала Иловайского 12-го. Пришлось итальянцам стать биваком на голом поле на ледяном ветру.

Утром, 29-го октября, Богарне подтянул все свои силы и пошел к Духовщине. Иловайский очистил деревню. К нему подошел Платов с остальными полками, атаковал итальянцев, уничтожил их конницу, забрал почти всю артиллерию и 1-го ноября вогнал вице-короля в Смоленск без конницы и всего с двенадцатью пушками.

За эти дела на реке Вопи и в Смоленске Платов был пожалован в графское достоинство.

3-го ноября, когда французская армия хотела приостановиться под городом Красным, Русские войска надели на нее и заставили ее бежать. Ночью после сражения французы не имели покоя.

В местечке Ляды две сотни казаков и вооруженные кольями и топорами крестьяне заставили всю армию провести ночь под ружьем.

Ни на одном ночлеге не было спокойствия. Измученные дальним тяжелым походом по снегу, голодные, ознобленные люди не имели ночью отдыха. Им везде чудились казаки.

7-го ноября остатки Наполеоновской армии вошли в город Оршу. Из полутора тысяч, выступивших из Москвы — в Оршу пришло только 30.000.

Граф Платов преследовал наиболее стойкого и мужественного генерала французской армии — маршала Нея, шедшего в аррьергарде.

5-го ноября Платов вошел в Смоленск, из которого только что выступил Ней. Оставив в Смоленске 20-й егерский полк и сотню казаков, Платов пошел преследовать Нея по обоим берегам Днепра.

Сотник Наркин, шедший в авангарде отряда генерал-майора Денисова в 17-ти верстах от Смоленска, на большой дороге нашел 112 орудий, брошенных французами.

Граф Платов с 12-ю полками шел по покрытым глубоким снегом узким проселочным дорогам, а местами и «на простынке», полями, пересеченными канавами на перерез маршалу Нею.

Ней вел полки в густых колоннах по берегу Днепра. По сторонам колонн были высланы цепи стрелков. Недалеко от села Гусино, на поляне между лесами, Платов нагнал Нея. Казачьи пушки вынеслись на опушку леса и обстреляли колонны французов. Полки графа Платова с артиллерией с невероятными усилиями, в глубоких сугробах снега пробивались через густые леса и вышли французам на перерез. Произошла свалка. Надеявшиеся спастись в лесу и кинувшиеся к опушке французы были встречены картечным и ружейным огнем. Солдаты бросали ружья и разбежались. Маршал Ней на крестьянской лошади выехал к бегущим солдатам.

— Солдаты, — громовым голосом кричал он, — неужели

вы предпочтете постыдный плен славной смерти за императора и Францию?!

Образумившиеся солдаты возвращались; строились в колонны, направлялись к лесу. Платов вывел из него свои полки. Побросав ранцы, тяжелым ночным походом французская пехота прошла через лес и далеко за полночь дошла до селения Дубровны. На рассвете у села Дубровны появился Платов с донскими полками и выгнал из домов на мороз и стужу остатки аррьергарда Нея.

8-го ноября Ней, пешком, добрался до города Орши и здесь соединился с Наполеоном.

12-го ноября, не задержанный Русским корпусом адмирала Чичагова Наполеон приступил к переправе через реку Березину. Река была покрыта тонким льдом. Французским саперам удалось из подручного материала навести два моста. Часть армии успела переправиться, когда снова из лесов появились казаки Платова. Все, что было еще на берегу: замерзшие обозы, раненые и больные, на подводах и пешком, бросились спасаться в полном беспорядке к мостам. Мосты были заняты войсками. Тогда вся эта толпа, частью безоружных, побежала на лед... Лед сломался. Французы стали тонуть. Березина была страшным бедствием для армии Наполеона.

23 ноября Наполеон оставил армию и под именем Коленкура, в санях, а потом в почтовой карете уехал во Францию, в Париж, создавать новую армию на замену погибшей в снегах и лесах России.

Французская армия бежала к границе. По прежнему ее прикрывал Ней.

29 ноября казаки настигли Нея. Его солдаты стали разбегаться. Ней взял ружье и с несколькими солдатами стал отражать казаков. Казаки не взяли его в плен только потому, что в обмороженном, не бритом, одетом в грязное тряпье солдате с ружьем, не признали самого мужественного маршала Наполеоновской армии.

Пройдя Ковно, Ней переправился через Неман. На Русской земле не оставалось больше ни одного французского солдата. Отечественная война была кончена. 552.000 солдат армии «дванадцати языков» остались на полях России. 1.200 пушек было взято Русскими или брошены французами при отступлении. Донские казаки Платова истребили более 18.000 французов, взяли в плен 10 генералов, 1.047 штаб и обер офицеров и около 40.000 солдат; отбили 15 знамен, 364 орудия и 1.068 зарядных ящиков.

Они взяли громадную добычу.

Как то зимою, к командиру атаманского полка пришел казак Черкасской станицы Гаврило Чернишников, принес слитки серебра до двух пудов весом и просил принять серебро на церковь, как церковное.

Командир полка сказал, что это не церковное серебро, но литое и по правилам дележа добычи принадлежит ему, Чернишникову.

— Почему мы можем знать, ваше высокоблагородие, — отвечал атаманец, — церковное, или не церковное это серебро? Про то Бог один ведает. Может быть, нечестивые злодеи из ограбленного в храмах слили это серебро? Не хочу принять греха на душу. Оставя у себя слитки, буду мучиться совестью. Милосердный Бог сохранил мне жизнь. Богу посвящаю я эту малую жертву. Дай Бог здоровья нашему атаману. Он подал нам благую мысль показать делом усердие наше ко Всевышнему Творцу и святой вере праотцев.

Другой раз какой то донец подехал к бираку гвардейского корпуса и продавал офицерам разные вещи, отнятые от французов: часы, кольца, табакерки, пистолеты, сабли... Один из покупателей, чиновник Литовского полка Щеглов, увидал большой, и по виду, тяжелый мешок, висевший поперек холки казачьей лошади.

— А тут у тебя что? — Нет ли и тут, станичник, чего продажного? — спросил Щеглов у казака.

— Нет, тут церковное серебро, — отвечал казак, — я обещал пожертвовать его на церковь. Боже сохрани, чтобы я пользовался из него хотя бы одним золотником.

— Отдай тогда на нашу церковь, — сказал чиновник.

— Это вот ладно... Беря!..

Казак снял тяжелый мешок с седла, передал его Щеглову, беззаботно свиснул и уехал, не назвавши своего имени.

По мысли Платова казаки стали сдавать все захваченные ими серебро в штаб Кутузова для пожертвования в церкви. Нибралось более пятидесяти пудов серебра. Из сорока пудов была сделана в Казанском соборе в Санкт Петербурге решетка вдоль главного амвона храма. На этой решетке сбоку, мало приметная «Александровскими» печатными буквами вырезана надпись: «Усердное приношение войска Донского» — 10 пудов серебра и 20.000 рублей Платов передал на возобновление ограбленных французами храмов Донского монастыря в Москве.

В конце ноября к Русской армии прибыл император Алек-

сандр и приказал переходить через Неман для преследования французов за границу.

3 декабря в Ковенском соборе служили торжественный молебен по случаю освобождения России от нашествия двенадцати языков.

Из тысячного Атаманского полка на молебствии было 150 человек. Остальные полегли на полях России убитыми, умершими от ран, от болезней, замерзшими, умершими от голода. Так же было и в других казачьих полках.

Новые пополнения шли с Дона.

Начался заграничный поход Русской армии и ее казаков.

XXX

Отзывы иностранцев о действиях казаков в отечественную войну. Наполеон. Француз де Брак и генерал Моран. Англичанин Нолан.

Как же оценили эти подвиги казаков, их особую, им только свойственную «казачью» тактику бесконечно разнообразных лав и венгеря, их неутомимость и постоянную бодрость те, кто на себе испытал силу казачьих войск: Наполеон и его генералы.

— «Казачья бич рода человеческого» — отзывался о казаках Наполеон.

Француз де Брак писал: ... «казаки делают войну весьма опасною и особенностями для тех офицеров, которые назначены производить разведки. Многие из них, в особенности, офицеры генерального штаба, довольствовались обыкновенно тем, что успевали узнать от местных жителей из опасения наткнуться на казаков, никогда не поверяли на месте этих показаний, а потому император не мог узнать того, что происходило в неприятельских войсках» ...

Генерал Моран написал следующее: ... «казаки, кидаясь в атаку, обыкновенно несутся марш-маршем и хорошо оста-

навливаются на этом аллюре. Их лошади много способствуют смелости и со своими всадниками составляют как будто одно целое. Эти люди, будучи осторожны, не требуют особых поощрений о себе, отличаются необыкновенною стремительностью в своих действиях и редкою смелостью в своих движениях.

«Какое великолепное зрелище представляла наша кавалерия, когда, блистая при лучах июньского солнца золотом и сталью, пылая отвагой, она гордо развевала свои стройные линии на берегах Немана. Какие грустные размышления возбуждали эти перестроения, утомлявшие только лошадей и оказавшиеся совершенно бесполезными в делах с теми самыми казаками, которые до сих пор были презираемы всеми, но которые так много сделали для славы России. Каждый день видели их в виде огромной завесы, покрывающей горизонт, от которой отделялись смелые наездники и подвезали к самым нашим рядам. Мы развеваемся, смело кидаемся в атаку и совершенно уже настигаем их линии, но они пропадают, как сон, и на месте их видны только голые березы и сосны ... По прошествии часа, когда мы начинаем кормить лошадей, черная линия казаков снова показывается на горизонте и снова угрожает нам своим нападением. Мы повторяем тот же маневр и по прежнему не имеем успеха в своих действиях ... Таким образом, одна из лучших и храбрейших кавалерий, какую только когда либо видели, утомлялась и приходила в расстройство в делах с теми людьми, которых она постоянно считала недостойными себя, но которые тем не менее, были истинными освободителями своего отечества ...»

Еще мнение англичанина Нолана: «военная история представляет нам много весьма поучительных примеров того превосходства казаков над регулярною кавалериею, которым не следует пренебрегать и которое не должно забывать ...»

П. Краснов.

(Продолжение следует.)

№-ской казачий полк перед выходом на ученье

Иван Федорович

Картины из старого станичного быта

В Р. станице живет казак Иван Федорович Меркудов. Между своими станичниками он считается самым прямым и бесхитростным человеком. Про него рассказывается множество историй. Рассказывают, что когда он был еще подростком и сидел сиденку, то раз, возвращаясь праздником с охоты с ружьем, он, подходя к небольшому озеру, расположенному недалеко от станицы, заметил, что на нем сидело множество белых гусей. «Стой!.. лебеди!», сказал он, торопливо снимая с плеч ружье. Подполз на коленках к самому берегу, выстрелил, и положил лебедей целый десяток. Остальные перелетели на другой конец озера и сели. Он поспешно зарядил ружье, подполз, еще выстрелил — и так же удачно. Перелетевшие гуси опять сели на другом конце, он опять зарядил ружье и выстрелил; и таким образом продолжал до тех пор, пока не перестрелял всех. Покончив дело, он снял с себя платье и полез доставать дичь. «Вот набил», говорил он с восторгом: «больше ста!» Попытаскавши почти всех, он нечаянно бросил взгляд на ноги одного гуся, и заметил, что он помечен. Его так по коже и подрало. Он глянул на ноги всех — и они, как один, все были мечены. «Гуси!!» сказал он с ужасом. В это время мимо озера шла по дороге женщина. Он увидевши ее, в испуге, бросил ружье и платье, и голый как мать родила, бросился уходить; добежал до терновых кустов и схоронился в крапиву. Казачка, подошедши к озеру, и увидевши множество битых гусей, в удивлении остановилась. «Какой это игрец наработал?» сказала она, и подошла к гусям и посмотревши на мету, воскликнула: «Батюшки-кормильцы, наши гуси. Да тут и Федорины и Копытны и Марусины», говорила она, смотря на мету прочих. Потом скоро побежала домой, наделала шуму. Собралась вся станица от мала до велика, так как тогда был праздник, и все спешили на место происшествия. Сбежавшись, приступили к следствию. Платье и ружье тотчас были узнаны. Сообразили, что и преступник должен быть недалеко. Вся толпа бросилась искать, и бедный Иван Федорович был найден и выведен в страшном виде: голый, ободраный, весь в шишках от крапивы. От страха, смотрел он дико. «Говори, это ты набил гусей?» говорили ему старики, ставши кругом его. Но он ничего не мог отвечать. «Ну, отец должен заплатить!» говорили судьи. — Как же, у меня и имения столько не достанет!» говорил отец, который случился тут же. «Хоть с него черевы вымотайте!» Потом подступивши к нему, говорил: «Зачем ты их бил? Что же ты молчишь? У! злодейские белымы?» говорил он глядя на его вытаращенные глаза. Кончилась эта история тем, что Ивана Федоровича продержали три дня в холодной, и, так как отец не соглашался заплатить за него, то его высекли на сборе и освободили.

Другая история случилась с ним недавно. На хуторе П. живет казак Емельян Макаров. В один день, перед

вечером, он вышел из дома и увидел, по бугру, со степи, стремглав скачет человек, погоняет лошадь беспрепятственно, кричит, и все нагинаяется, как будто хочет что-то ударить плетью. Он стал присматриваться; вскоре заметил, что впереди его что-то бежит, в роде небольшой собаки. Подпустивши ближе, Емельян Макаров узнал в человеке Ивана Федоровича Меркулова, который гнался за его серым кобелем. «Волк, волк! га, га, тю, тю!», кричал он, погоняя своего всего обмыленного коня. Добежавши до речки собака бросилась вплавь. Иван Федорович за нею. Собака, вбежавши во двор, бросилась на завалину и залаяла; Иван Федорович, схвативши обломок оси, бросился к ней, крича: «Волк, брат, волк», хозяин бросился к нему и, схвативши его за руку: «Что ты, Иван Федорович, это мой кобель» — «Как, волк! я его на Орешном поднял, я по нем два раза выпалил!» кричал Иван Федорович, и никак не мог остановиться. Но когда хозяин убедил его в справедливости своих слов, то он плюнул, бросил ось и сказал: «Вот проклятая собака, то-то она — я гоню за нею, а она обернется да — гав, гав». Потом он сел на коня и поехал, размеряя руками, и сердито харкая.

Много было с Иваном Федоровичем разных происшествий. А что случалось с ним во время его службы, того, как говорят его сослуживцы, «ни рассказать, ни описать». Однажды, служа на батарее, он был для своего взвода казначеем. Случилась перестрелка, товарищи его ускакали, в авангард, а он, сидя над котлом, сказал: «Ну, многим из вас, братцы, не быть на возврате... на что теперь столько каши?» и вылил половину котла. На его беду взвод возвратился весь и голодный изъясил громкий ропот. «А черт вас знал, что вы все возвратитесь!» говорил Иван Федорович: я думал, что вас половину побьют».

Иван Федорович сам о себе ничего не рассказывал, только разве то, что случилось с ним в самом раннем детстве, и то очень редко. «Мы с братом», говорил он, «были у отца двое. Жили мы над самою дорогою, и мимо нас часто ездили люди. Вот и приучились мы с братом гавкать на людей. Как кто едет, мы выскакиваем, бежим в след и — гав, гав, гав! Один старик, который часто ездил мимо нас, вздумал нас отучить от этого. Едет он, а мы, по обыкновению, и выскачи. Бежим и гавкаем, а он ну нас хвалить и бросать нам прянцы. «Вот собаки, вот кобели, вот кобели, какие злые!» А мы так и берем, так и берем с обеих сторон. Старик подпустивши нас близко, вдруг как вскочит с повозки, как схватит нас обоих, за вихор, да кнутом, кнутом! Мы кричим благим матом, а он сечет и приговаривает: «Не брешите на людей, антихристы, не брешите!» Высекши нас на все бока, он пустил и мы со всех ног пустились уходить. С тех пор, как только услышим, кто едет по дороге, хоронимся, бывало, как можно дальше.

X.

Страшный риск

Из воспоминаний петчика-казака

Чрезвычайно быстрое развитие авиационной техники, и особенно непрекращающийся прогресс в увеличении грузоподъемности самолетов, открывает перед авиацией новые широкие возможности. Теперь производят переброски на мощных самолетах целых войсковых частей, высадки войсковых десантов в тылу противника и снабжают войска продовольствием и боевыми припасами воздушным путем.

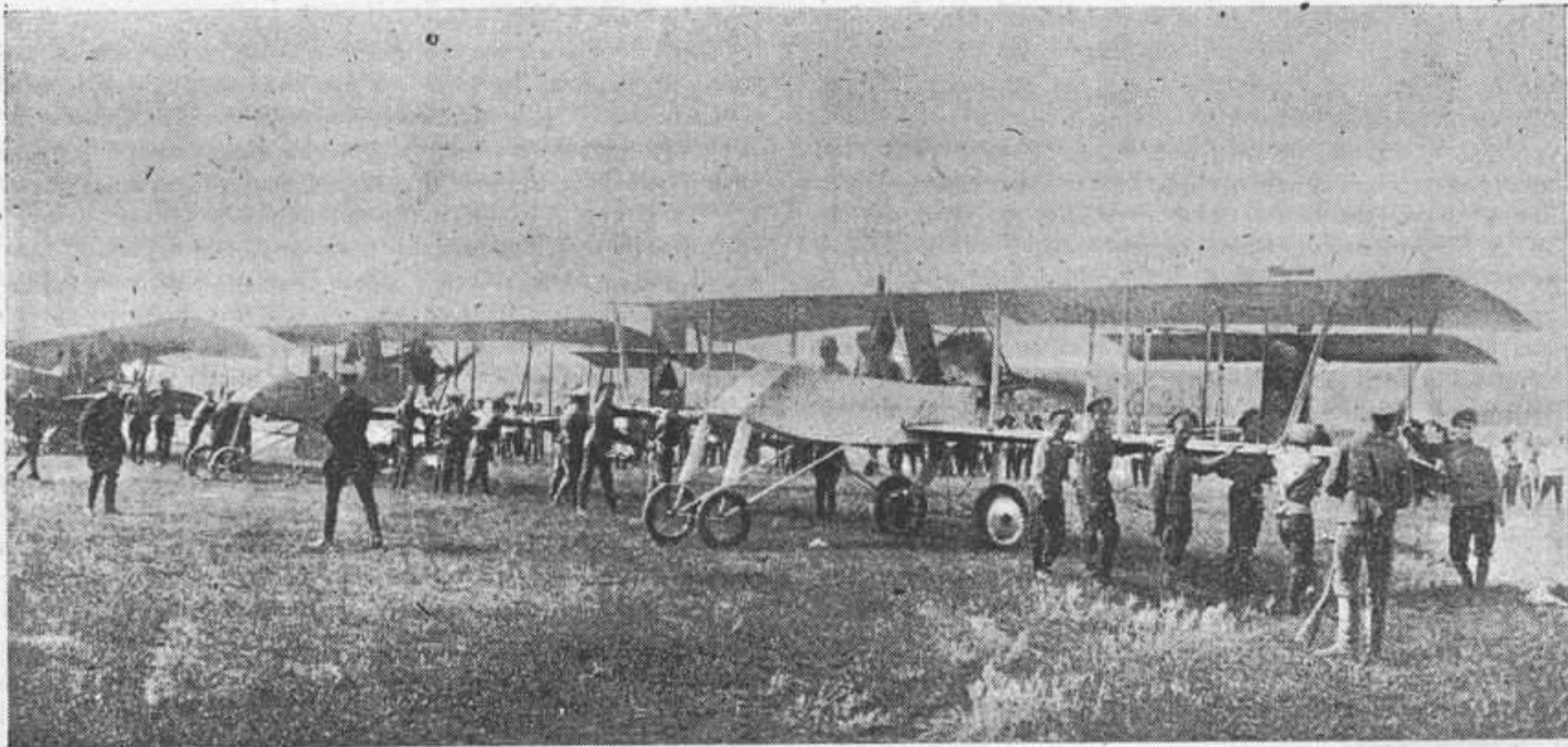
В прошлую войну 1914-18 г. грузоподъемность самолетов была еще настолько незначительна, что не приходилось и думать о настоящих воздушных десантах. Но тем не менее, высадки в неприятельском тылу отдельных лиц и исполнения всевозможных подрывных работ и разведы-

Во время Великой войны русские летчики ни разу не получили от своих штабов подобных заданий, и только на северном фронте в 1917 году штаб одной из армий подготовил две таких операции, но они не были выполнены из-за начавшегося полного развала фронта.

Впервые в России подобные операции были совершены в гражданскую войну авиацией Донских армий, донскими летчиками.

Начало этих рискованных посадок в тылу у большевиков относится к периоду восстания донских казаков в станице Вешенской.

В 1919 году в марте месяце на Дону пронесся слух о восстании против советской власти казаков Верхне-Дон-

Один из самолетных отрядов Донского воздушного флота в 1919 году

вательных задач совершались много раз и некоторые из них увенчались крупным успехом.

Риск этих операций был очень велик, так как закон и право войны не признавали допустимости подобного образа действий и захваченные в плен летчик и агент приравнивались к шпионам и приговаривались к смертной казни.

Несколько таких высадок в тылу у неприятеля проделали немцы. Так 14-го октября 1916 года немецкий полковник Кассель и фельдфебель Виндиш были высажены с германского самолета в 80 километрах в тылу русского фронта и ровно через сутки были снова взяты специально прилетевшим самолетом. За эти 24 часа они успели разрушить в нескольких местах железно-дорожную линию Ровно—Броды.

На Азиатском фронте немецкие летчики, полковник Даум и лейтенант Шлейфер трижды спустились глубоко в тылу английского фронта на самолете Румплер и разрушили полотно железной дороги и телеграфные линии.

Итальянский летчик Каагранде на своем гидросамолете несколько раз спускался на озера и реки у австрийцев и производил разрушение полотна железных дорог мостов.

Слух этот вскоре получил частичное подтверждение, — появились из этого округа перебежчики, рассказывавшие о восстании. Как ни хотелось, чтобы эти рассказы оказались бы правдой, в Новочеркасске боялись верить, опасаясь какой либо провокации. Кроме того возникло опасение, что если бы восстание и было поднято Верхне-донцами, то так как сведения оттуда доходили не скоро (привезший сведения казак плыл на лодке около месяца, днем скрываясь в камышах), — оно могло быть уже подавлено полчищами красных.

В Донском штабе зародилась мысль проверить этот слух и, если возможно, связаться с восставшими при помощи авиации. Ведь подтверждение факта восстания открывало перед штабом заманчивые перспективы: пробиться к восставшим казакам, соединиться с ними и отбросить красные войска за пределы Донской области.

Несмотря на возражения некоторых лиц командования о почти недостижимой технической возможности и о страшном риске, начальник Донской авиации настоял на том, чтобы попытаться путем воздушной разведки и высадкой в тылу у большевиков получить правильные сведения о том, что происходит в Верхне-Донском округе. Задача была безусловно чрезвычайно тяжелой, но отнюдь

не невыполнимой. Авиационные отряды, входившие в состав Донской авиации, все, как один, готовы были выполнить эту задачу.

Задача была поручена 3-му Донскому самолетному отряду, во главе которого стоял доблестный летчик полк. Антонов.

Первым полетел в станицу Вешенскую поручик Федоров с членом войскового круга Варламовым. Полет этот был крайне рискованным: приходилось лететь почти 100 километров над территорией, занятой красными. Это был тот максимум, который могли дать тогдашние самолеты, совершенно устаревшие с изношенными моторами. Малейшие неблагоприятные условия могли угрожать вынужденной посадкой у красных — верной и мучительной смерти. Отважным этим людям не повезло. Возле станицы Вешенской в момент их посадки появился конный отряд, помчавшийся к месту их спуска. Так как за дальностью расстояния нельзя было разобрать, были ли это красные или повстанцы, пришлось поспешно сняться и лететь назад, не выяснив обстановки.

На втором самолете после этой неудачной попытки полетел 2-го Донского самолетного отряда хорунжий Тарарин с сотником Богатыревым.

Скромный, тихий, малозаметный хорунжий Тарарин принял твердое решение в глубине своего сердца, — выполнить во что бы то ни стало эту задачу или погибнуть... На старом изношенном самолете летчики благополучно долетели до хутора Бокова, расположенного в двух километрах от станицы Вешенской, и спустились в открытом месте. На хуторе Бокове был дом сотника Богатырева.

Недалеке ходил табун лошадей. Несколько мальчишек-пастухов находились тут же. От них узнали, что хутор Боков был в руках восставших, а противоположный занимали красные.

В это же время показались вооруженные всадники, скакавшие по направлению к самолету. Это был мучительно жуткий момент. Но один из всадников еще издали крикнул: «Богатырев, да никак это ты»... Радость была неопишуемая с обеих сторон, после того, как хуторянин опознал сотника Богатырева, товарища своих детских игр, своего соседа. Отважных гостей отвезли на хутор и туда же отвезли самолет, так как каждую минуту можно было ожидать нападения красных. Восторг казаков, их слезы, их жалобы на жестокость и бесчинство красных были неподдельны и трагичны.

На другой день Тарарин вылетел обратно, захватив с собой радиотелеграфиста-казака. Богатырев остался на родном хуторе.

Труднейшая задача по связи с восставшими была выполнена. Хорунжий Тарарин прилетел на станцию Звереву, где находился 2-й самолетный отряд, и оттуда сейчас же полетел в Новочеркасск, доложив штабу обо всем виденном. Но под наплывом впечатлений и переживаний хорунжий Тарарин не смог собрать всех сведений, необходимых для штаба, а потому через несколько дней в станицу Вешенскую снова полетел самолет с летчиками капитанами Веселовским и Бессоновым, которым было поручено выяснение всех подробностей. Они повезли с собой 500.000 тысяч рублей денег, пуд табаку, несколько пудов перевязочных материалов, медикаменты, газеты, воззвания, прокламации и целый пакет писем. Вылетев со станции Звереву, они благополучно спустились в 2 верстах от станицы Вешенской у хутора Пегуревки. К ним робко подошла случайно находившаяся женщина. От нее узнали, что восстание еще не подавлено. С хутора в ст. Вешенскую по телефону дали знать, что опять «прилетели кадеты, привезли денег, табаку, письма...» Лет-

чики верхом в сопровождении казаков поскакали в Вешенскую. Встреча в станице, оказанная летчикам, не поддается никакому описанию. Пасхальный колокольный звон, слезы женщин и мужчин, восторг и жалобы. Летчиков забрасывали ветвями сирени, люди крестились со слезами на глазах. Надежда была влита в души осажденных, появились новые силы поддерживать борьбу...

На другой день, после тщательного исполнения поручений, летчики прилетели в Новочеркасск и сделали точный исчерпывающий доклад войсковому штабу. Они привезли с собой образцы самодельных патронов, ветки сирени, которыми был засыпан их самолет и многочисленные письма.

С этого дня и вплоть до последнего дня соединения Донской армии с восставшими казаками, летчики регулярно производили воздушные рейсы к верхне-донцам. Были перевезены десятки тысяч патронов, без которых восставшие не могли бы удерживаться, перевязочные материалы и медикаменты, врачи-хирурги, командный состав, письма, табак, деньги и пр.

Сохранилось несколько заметок летчиков, описывающих эти полеты. Военный летчик капитан Иванов пишет: «свой полет в ст. Вешенскую к восставшим казакам я не могу причислить к разряду полетов-хор. Тарарина, поручика Веселовского, пор. Бессонова, есаула Соколова и др., т. е. к полетам важного назначения и в обстановке исключительной трудности во всех отношениях, но все же впечатление, оставшееся у меня настолько высоко и редко в жизни, что считаю своим долгом поделиться с ним...» И опять описание восторженных встреч в хуторах и станицах, которые посетил летчик, опять цветы, слезы, полубезумные взрывы счастья, граничащего с экстазом.

Наиболее трудные и рискованные посадки донских летчиков в тылу у большевиков были произведены для связи с конницей ген. Мамонтова, ушедшего далеко в тыл красных. Долгое время не было никаких сведений о коннице ген. Мамонтова и в один из дней штаб Донской армии получил приказание от штаба Вооруженных Сил Юга России связаться с конницей ген. Мамонтова и вернуть ее обратно. Приказание было дано, но выполнение его представляло необычайные трудности. Радиотелеграфа, единственного средства связаться, не было у ген. Мамонтова. Что делать?

Вся надежда была на авиацию и донским летчикам была дана задача: связаться с ген. Мамонтовым и передать ему письменное приказание.

Да, это была задача почти невыполнимая... Куда лететь? Где найти ген. Мамонтова: ни штаб, да и никто, не мог дать даже приблизительного ответа. Лететь надо было куда-то далеко, об возвращении, в случае ненахождения, не могло быть и речи, так как бензина могло хватить только на несколько сот верст.

Выполнить эту труднейшую и рискованнейшую задачу было поручено военным летчикам Донской авиации пор. Баранову и Битте, год тому назад перелетевшим от красных, и потому не могущим рассчитывать ни на какую пощаду от большевиков в случае неудачи...

За недостатком места я не буду подробно описывать этот полет, полный необычайного риска, трудности и героизма... Четыре раза спускались летчики то в районе Воронежа, то Липецка, то в др. местах, опрашивая одиночных людей, иногда угрожая револьверами. При четвертом спуске, когда бензин был уже на исходе, крестьянин указал летчикам направление, где «вчера палили еще здорово, и сказывают, что там белые казаки...» Летчики полетели по этому направлению и действительно, спустя некоторое время увидели

конные массы. Летчики спустились, готовясь дорого продать свою жизнь, если-бы это оказались красные. Бензина оставалось только на несколько минут; но это оказалась конница ген. Мамонтова.

«Но все таки, как вы нас нашли?», несколько раз спрашивал летчиков ген. Мамонтов, — «ведь это просто чудо!»

Да, это было чудо героизма летчиков.

Приказание было вручено.

На другой день, заправив мотор собранным во всех аптеках близлежащих городков касторовым маслом, наполнив бензиновые баки каким то суррогатом бензина и керосина, получив от ген. Мамонтова письменное донесение и целый ряд «подарков» для штаба Донской армии, — летчики запустили мотор и полетели по направлению к югу. Был сильный попутный ветер, мотор работал довольно удовлетворительно, что действительно надо считать за чудо, и летчики благополучно спустились в Миллерово, принеся радостную весть об успехах рейда ген. Мамонтова.

Возвращение летчиков было совершенно неожиданным. Штаб армии считал невыполнимым данное им поручение и поверил только тогда когда доблестные летчики представили собственноручное донесение ген. Мамонтова и привезенные им подарки...

Для связи с конницей ген. Мамонтова в последующие дни донскими летчиками было выполнено более десяти полетов, чрезвычайно рискованных, так как местоположение конного корпуса ген. Мамонтова никогда не было точно известно и у большевиков в этом же районе тоже появились конные массы.

При вылете на один из таких полетов для связи, сгорели живыми военные летчики шт.-ротмистр Хомич и Аладьин. Самолет, которым управлял шт.-ротмистр Хомич, при подъеме вдруг перешел в штопор и врезался в землю. Начался пожар... Огромное пламя охватило самолет. Подбежавшие люди из за страшной жары не могли даже близко подойти к этому трагическому колоссальному костру и помочь несчастным летчикам, испускавшим короткое время нечеловеческие крики отчаяния. Повидимому, причиной катастрофы явилась допущенная летчиком при взлете ошибка. Ошибка же

произошла от того особенного сильного нервного напряжения, которое несомненно испытывали летчики, посылаемые для выполнения этих трудных поручений.

От напряженной работы уже изношенные самолеты в отрядах приходили в негодность или требовали крупного ремонта. Заменить их было нечем, новых самолетов не было и приходилось для выполнения посадки в тылу у большевиков посылать быстроходные одноместные истребители. В этих случаях риск был особенно большой, как вследствие трудности благополучной посадки на незнакомой местности, так и вследствие того, что одному человеку было очень трудно справиться с задачей. В один из таких полетов военный летчик кап. Снимщиков, полетевший на одноместном самолете типа «Кеммель», — обратно не вернулся. Долго ничего не знали о его судьбе. Но спустя несколько месяцев один из плененных большевиков рассказал историю пленения белого летчика, по всем данным кап. Снимщикова. Этому рассказу не совсем поверили, но 10 лет спустя в советском журнале «Вестник Воздушного Флота» промелькнуло в одной статье упоминание, как один белый летчик посланный для связи с ген. Мамонтовым, попал... в штаб Буденного... Это вполне подтверждает рассказ пленного большевика и картина пленения кап. Снимщикова рисуется в следующем виде.

Кап. Снимщиков, полетев глубоко в тыл большевиков, увидел сверху в том районе, где предполагалась конница ген. Мамонтова, действительно большие конные массы. Подыскав подходящую площадку, кап. Снимщиков благополучно спустился, и не выключая полностью мотора, а оставив его на малом газу, чтобы моментально подняться в случае опасности, — крикнул находящимся не в далеке казакам в бурке — Это что за часть?

— Так что ген. Мамонтов, ваше благородие — ответили казаки, отдавая честь.

Кап. Снимщиков, успокоенный, остановил мотор, выскочил из аппарата, и сказал казакам, чтобы они проводили его к ген. Мамонтову.

— «Ген. Мамонтов, вон там на горке» — Пошли.

Два казака — большевика, разыграли комедию, чтобы поймать белого летчика... На горке оказался штаб Буденного... По рассказу пленного, кап. Снимщиков, будто бы, выхватил пашку у одного из казаков и пробовал сопротивляться...

Несомненно, глубоко трагична его судьба... Ведь кап. Снимщиков в конце 1918 г. перелетел от красных на сторону белых с целым 9-м армейским авиационным отрядом, после смотра отряда красным Главковерхом Троцким.

Песня

Эх, родимая степь!...
Про тебя ли не петь,
Коли песня сама так и льется...
Всюду травы и свет,
От копыт звонких след
Вдоль и поперек, ниткою вьется.
У дорог чернобыль,
И усатый ковыль
Словно море пахучее блещет...

Серебристая пыль
Да татарник — бобыль
В полуденках дрожащих трепещат...
Цепь курганов видна,
А кругом тишина,—
Разве горлица где-то воркует,—
В полдень солнца полна,
Широка и ровна,
И душа по тебе лишь тоскует.

Николай Келин

Лбищенский рейд

Продолжение*)

Как только начался артиллерийский обстрел берега, красным стало понятно, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Чапаева, ослабевшего от потери крови, но еще державшегося на ногах, стали сводить вниз к реке. Его поддерживал верный ординарец Петька Исаев. С Чапаева сняли сапоги, брюки, гимнастерку. Он вошел шатающейся походкой в воду и поплыл. Сразу от берега начиналась быстрина. Его потащило вниз. Плыть было трудно, но он все же плыл. Петька Исаев остался у берега, стал отстреливаться. Тут же у обреза воды его прикончила казачья пуля. Руки разжались. Винтовка сама выпала из рук. Верный ординарец Чапаева, проводивший с ним все походы и бои, больше не двигался.

В то время Чапаев изо всех сил старался переплыть быстрый Урал. Течением его все время тянуло на низ. Рана, потеря крови, напряженный бой с раннего утра, сильно ослабили его. Порою ему хотелось опустить руки и ноги и — будь, что будет... Он слышал позади лихорадочную пулеметную и оружейную стрельбу. И только звуки стрельбы подстегивали его утасовывающие силы, они будили в нем желание доплыть до берега, быть живым во что бы то ни стало, чтобы отомстить этим упрямым казакам за позор сегодняшнего поражения. Как это он — Чапаев — имени которого они так боялись, вдруг очутился в таком позорном положении.

Николай Мякушкин лихорадочно стрелял с колена по плывущим. Вокруг него были казаки других полков, разбираться в этом было некогда, каждый делал то же, что и Николай.

— Бейте дальних! — уйдут — кричал Николай, указывая пальцем на тех, что уже подплывали к тому берегу. Николай выбрал фигуру в черном. Подплыв к берегу, она поползла по песку. — «Обессилела», — мелькнуло в голове. Черная юбка облепляла ее ноги. — «Комиссарша...» — взял прицел на 500. Фигура сидела на мушке. Выстрел. Упала. Поднялась. Опять выстрел. Упала. Опять поднялась. И так пять — шесть раз, пока не уползла в ближайшие талы. — «Значит еще жить... Судьба...»

Справа от Николая вылетела фура с пулеметом. Ездовой круто завернул и осадил лошадей. Пулеметчик — казак фронтовик — припал к Максиму, взял цель там, где больше было человеческих голов. Максим на возу забился как в истерике. Всилески пуль ясно обозначили линию обстрела на воде. Гущина человеческих голов сразу поредела. Пулеметчик все время укорачивал линию обстрела и каждый раз под его смертоносной струей несколько голов исчезало под водой.

Чапаев уже перецлыл средину, берег был не так далеко. Сзади на яру зататакал Максим. Впереди по воде всплеснула линия пуль. — «По мне бьют...» — подумал Чапаев. На самом деле казачий пулеметчик бил вообще по плывущим. Невозможно было в такой каше разобрать: где Чапаев, а где остальные... Вторая линия обстрела прошла как раз там, где плыл Чапаев. Он взмахнул руками, исчез под водой и уже больше не показывался.

Весной 1920 года под Каленым, после разлива Урала, в лугах, среди кустарников, казаки рыбаки нашли много человеческих костей. Может быть, среди них были и кости Василия Чапаева — командира 25 стрелковой дивизии...

Николай пошел по берегу вниз по течению. Яр становился ниже. Под яром в беспорядке валялась одежда, обувь. Под глинистым выступом мелькнуло тело, обнаженное до пояса. Человек торопился снять брюки и обувь. Николай вскинул винтовку. Выстрел. Человек как то исчез под выступом. Неизвестно? — был ли он убит или успел укрыться. Останавливаться было некогда. Неподалеку от берега, как раз на самом стреме, плыл мужчина. Черный пиджак, черная фуражка, — гражданский костюм. Под мышками два чурбака, — повидному человек не мог плавать. Всплеск пули против

спины — и человек исчез под водой. От частых выстрелов ствол накалился, Николай это чувствовал даже сквозь деревянную ствольную накладку. Метров на 700—800 по течению от берега отталкивались две лодки, набитых до отказа людьми. Николай выпустил обойму по лодкам, но на таком расстоянии попадание было сомнительным. Откуда то опять на яру появилась пулеметная фура. Пулеметчик тщательно взял прицел, сделал пристрелку и пустил длинную очередь. Лодки продолжали торопливо плыть на Бухарскую сторону. Видно, как гребцы энергично гребли. Были ли там раненые, или убитые. — На таком расстоянии трудно было решить. Если б казаки своевременно переправили на ту сторону хотя бы одну сотню, — ни один бы из красных не спасся после Лбищенского разгрома.

Николай увлекся настолько, что не заметил, как оторвался от своих казаков. Не только своих, даже и чужих не было видно. Идти дальше одному — опасно, в лугах могли быть отступившие красные, которые могли бы с ним одним легко расправиться. Один в поле не воин. Николай спустился под яр и тут только заметил, как он смертельно устал. Напряжение боя спало, ему захотелось просто опуститься на песок у берега и хотя бы немного заснуть. Ноги еле передвигались, пришлось делать огромные усилия, чтобы идти. Весь берег был завален вещами: мешками, сапогами, ботинками, шинелями, бельем. Оружие не встречалось. Бросали в воду. Думал хотя бы хороший револьвер найти, — ни одного револьвера не попалось. У Николая были неважные сапоги, он примерил несколько пар, одни не подходили, или малы, или узки, его размера не попадалось. Выбрал наилучшие, хромовые, взял под мышку, пошел дальше.

Уже под Лбищами стал подниматься на крутую гору. Какой это тяжелый подъем. Тут только почувствовал, насколько он смертельно устал.

Равнодушный к людским страстям Урал невозмутимо катил свои воды. На его поверхности не осталось никого, большинство Лбищенского гарнизона пошло на дно, и только редкие счастливицы переплыли на Бухарскую сторону, чтобы сообщить о полном разгроме Чапаевского штаба. В самом Лбищенске еще раздавались выстрелы. Там заканчивали с теми, кто сумел спрятаться во дворах, сараях, базах.

Было около четырех—пяти часов дня. Вой закончился. Длился 13—14 часов.

Николай пересек площадь. Сел на резное крыльцо в тени, чтобы хоть немного отдохнуть. Казак нес ведро с водой. Николай с жадностью припал к ведру и с удовольствием напился холодной, колодезной воды. Подошли еще несколько казаков и присели на крыльцо. На рубашках их выступила соль и засохла широким, серым пятном. Лица утомлены, глаза пустые, уставшие.

— Ты слышал Николай Николаевич Бородин убит... — сказал один из них, вытирая пот рукавом рубахи.

— Как убит?! — Николай даже привскочил, — да я его с час тому видал. Вон на том углу...

— Да, убит... Это точно... Когда наши стали жать их к Уралу, он с офицерами и казаками пошел по последней улице, только одна улица и оставалась, а там яр... Урал. Вдруг из одной избы — выстрел — прямо в грудь и — наповал. Оказывается в этой хате засели несколько красноармейцев. Один из них узнал Николая Николаевича, его знали не только наши, и красные знали. Ну — бахнул — и готово. Наши рассвирепели, — как шли, так сюда в хату — и штыками всех перекололи...

Николай чувствовал, как у него дрожали колени. Ему стоило колоссальных усилий не заплакать. Чтобы казаки не заметили его слабости, он прислонился к резному столбику и закрыл лицо рукой. В его мозгу не уместилась эта ужасная новость. Николай Николаевич — убит. Как же так? Какойнибудь час, полтора-тому назад он ободрял казаков. Николай прекрасно помнит его фигуру, выражение лица, его слова: «Вперед, вперед, ребята. По задворкам — к Уралу. Еще немного — и закончим...» И вдруг — убит... И когда?

*) См. №№ 23—26 «На Казачьем Посту».

— в самом конце боя! Когда победа была полностью за казаками... Дорого заплатили красные за этот бой, потеряв Чапаева, дорого заплатили и казаки, потеряв полковника Николая Николаевича Бородину. Имя Бородина было одним из самых популярных среди уральских казаков. Его иначе и не звали, как Николай Николаевич, и все знали, что это относится только к Бородину. Он обладал редкой особенностью располагать к себе как сердца офицеров, так и сердца простых казаков. Он никогда никому не льстил, если надо было, он хорошо умел распекавать, но сама человечность и справедливость были основой его природы и ослушаться распоряжения Николая Николаевича, это не укладывалось ни в чьем понимании. Вся его жизнь, все его мысли и желания были отданы на служение казакам.

— У Николая Николаевича был ординарец, с которым они еще раньше служили в одном полку. Таких же лет, как и Николай Николаевич. С бородой, такой геройский, видный из себя... — продолжал рассказывать казак. — Прискакал он к генералу Сладкову. А Сладков генерал под ветрянками стоял. Осадил лошадь и рапортует: так то вот мол и так то, ваше превосходительство, — полковник Бородин Николай Николаевич убит. Соскочил с лошади, грохнулся на землю, лежит и бьется... А генерал Сладков так на него строго: — «Встаньте, говорит, казак, не будьте бабой, возьмите себя в руки, чего так распустился?» Встал казак и плачет в три ручья: — «Как же, ваше превосходительство, мы с ним одной станицы, столько лет вместе служили — и вот на тебе... убит...» И опять заплакал. А генерал Сладков снова ему: «Что же поделаешь? И нас могут убить — на то и война... Вы лучше поезжайте, приберите тело и похороните сегодня же...» Да — жаль человека... такого человека во всем войске не сыскать.

Казаки громили Чапаевский штаб и другие дома, где были учреждения красных. Повили лошадей, шли группами и в одиночку через площадь. Ловили во дворах лошадей, подседывали или запрягали в фуры, накладывая нужное и ненужное добро. Казак Чижинского полка кричал через всю площадь:

— Эй, Гришка, где наш полк?

— Беру по плану прямо к ветрянкам, там командир полка и весь обоз...

Николай, еле передвигая ноги, побрел к мельницам-ветрянкам.

Штаб Чужинского полка и весь обоз действительно стоял у ветрянок за Лбищенском. Над головой раздалось жужжание пропеллера. Самолет — разведчик покружил над Лбищенском и пошел на снижение за город. Николай подходя к ветрянкам, видел, как неподалеку сел самолет, поднимая клуб пыли. Через несколько минут оттуда прискакал молодой казак 3-й сотни Миновсков Кузьма. На его голове сидел какой то странной формы резиновый шлем. Резиновые уши в такт намета взлетали вверх. Миновсков осадил коня перед Николаем. В дополнение к странному шлему через всю грудь были приколоты пять каких то странных орденов, на фоне красных шелковых розеток.

— Что за черт, за маскарад, Кузьма? Откуда все это?

— Да эту резиновую шапку я с советского летчика снял, а вот эти ордена мы достали в чапаевском штабе... Там их несколько коробок... Ребята брали, — сколько хотели. Говорят какой то новый советский орден — красно знамя — что ль?... Пленные рассказывают: Чапаю только, что прислали за боя красноармейцам, а он их и раздать не успел — мы тут нагрянули...

В это время загудел второй самолет, сделал круг и начал снижаться около первого.

— Я, господин хорунжий, поскачу, посмотрю, что за птица?... Интересно...

— Ну, скажи...

И опять захлопали резиновые уши на голове Кузьмы. Николай дошел к своему обозу. В телеге лежало несколько пар сапог. Николай выбрал подходящий размер, а хромовые взамен положил на телегу. В основной набе находился командир Чижинского полка есаул Семен Михайлович Хохлачев. Лишь только вошел Николай, командир полка обратился к нему:

— Вы сейчас с воза ваяли пару сапог...

— И положил взамен свою пару хромовых, еще лучше чем ваял. Мне не подходил размер и потому я поменял.

— Вы должны были положить свою и не брать взамен...

— Почему?

— Потому, что это принадлежит полку.

— Неужели, Семен Михайлыч, после 14-ти часов боя у вас не нашлось сказать ничего лучшего, а лишь только укорить меня?

Николаю так стало обидно за этот выговор, что нервы его не выдержали — и он заплакал. И все это после того, как он рисковал своей жизнью?... Командир полка понял свою нетактичность и уже смягченным тоном сказал:

— Ну, успокойтесь. Довольно... Вы бы могли положить, а вечером я всем офицерам выдал бы по паре, которая бы понравилась... А ведь что могут сказать казаки: мы кладем, а офицеры берут... Ну это все пустяки — пошлите ординарца за обедом — покушайте. Располагайтесь в этом доме... Все здесь поместится.

Вечером пришел к Николаю тот же пройдоха Миновсков.

Николай увидел на груди его те же пять орденов Красноу Знамени. — Ордена носишь?

— А как же, господин хорунжий, — в честном бою заработал. То должен был Петька да Макарка носить, а теперь казак Чижинской станицы — Петр Потаныч Миновсков носит... Жди когда тебя наградят — сам себя наградил...

Николай подивился неистощимой жизнерадостности своего казака и отпустил его.

Вечером Николай проверил казаков, подал рапорт командиру полка о шестерых убитых казаках 3-й сотни, поужинал с денщиком Митей и заснул глубоким сном без сновидений.

Ночью проснувшись он слышал пулеметные очереди на могилках. То «выводили в расход» кой кого из захваченных в плен.

А. Погодаев.

(Окончание в следующем номере).

Фронтвики пишут...

Ниже мы публикуем дословно — без изменений и сокращений — полученное нами на этих днях письмо командира Н-ского казачьего дивизиона, который третий год сражается против партизан и регулярных частей Красной Армии на среднем участке Восточного фронта. Этот документ свидетельствует о бодром, боевом духе наших фронтвиков и о стремлении связаться через казачью прессу с их братьями, находящимися во всех уголках антибольшевистской Европы и сражающимися в разных местах против одних и тех же врагов:

«Многоуважаемые соотечественники и представители немецкого командования. От лица казаков и офицеров Н-ского казачьего дивизиона я выражаю братскую благодарность за столь теплое и дорогое внимание для нас, проявленное с Вашей стороны. В ноябре месяце исполнится три года открытой борьбы нашего дивизиона против палачей нашей родины — иудо-большевизма. За это время мы исколесили все глухие лесные болотистые места нашего среднего фронта. С беспощадностью к бандитам, с несокрушимой решительностью в борьбе с красной армией, повседневной заботой о нуждах измученного народа — мы до сих пор вписываем кровью по одной букве в страницы истории русского народа. Медленно, но верно.

Нас объединяет братская любовь казаков, русских и украинцев, нас воодушевляет любовь к родине и ненависть к большевизму. А наша ненависть — самая сильная в мире. По настоящему ненавидеть большевизм можем только мы — русские. Мы изучили его, мы его пережили.

За все тяжелое прошлое время в наши дебри доходили отдельные номера русских газет и журналов. Регулярно получаем два экземпляра «Нового Слова», а сегодня на мое имя пришло 50 экземпляров «На Казачьем Посту».

У нас сегодня праздник. Святая душа узнала о нашем существовании, дай Бог этой душе дожить до мира и много-много дальше.

Надюсь, Вы нас и впредь не забудете родными журналами. Русское Спасибо Вам от казаков, русских и украинцев, сынов России».

Ротмистр В. Х.

Р о з ы с к и

1. Зеленский Дмитрий Семенович фельдпост № 57917 - В разыскивает своего племянника Зеленого Василия Ефимовича станицы Ханской Майкопского отд. (Кубань).

2. Обухов Николай фельдпост № 58736 - С разыскивает отца Обухова Ивана А., мать Обухову Марию И. Врежко Никопора и Железняк Михаила из станицы Кривянской Ростовской обл. (Дон).

3. Ус Петр Семенович фельдпост № 56188 - разыскивает брата Горб Сергея Иудовича рождения 1901 г. станицы Пластуновской Краснодарского края (Кубань).

4. Луковкин Николай Алексеевич фельдпост № 054508 - жену Полушину Тамару Федоровну хутора Кудипова Богаевского р-на Ростовской обл. рождения 1924 г. работающую в Германии.

5. Сорокин Антон Деомидович фельдпост № 59315 - сына Сорокина Василия Антоновича рождения 1924 года села Белая Калитва Ростовской области. (Дон).

6. Белый Иван Семенович фельдпост № 56188 - дядю Белого Василия Яковлевича из ст. Ивановской (Кубань) р одной из казачьих частей

7. Кузьменко Петр Гаврилович фельдпост № 56188 - отца Кузьменко Гаврила Денисовича, мать Агафию Семеновну сестер Марию, Таизию и Любовь и брата Ивана Гавриловича эвакуированных из ст. Старотитаровской (Кубань).

8. Колодяжнин Владимир Михайлович фельдпост № 56188 - мать Колодяжнину Анну Кирилловну эвакуированную из гор. Анапы (Кубань).

9. Кузьменко Николай Макарович фельдпост № 56188 - отца Кузьменко Макара Денисовича, мать Елену Ивановну и теть Симоненко Марфу Ивановну эвакуированных из ст. Старотитаровской (Кубань).

10. Савченко Николай Андреевич фельдпост № 56188 - Савченко Андрея Афанасьевича, мать Пелагею Михайловну, сестер Раису и Александру, эвакуированных из ст. Старотитаровской (Кубань).

11. Гузенко Михаил Семенович фельдпост № 04508 - сына Гузенко Василия Михайловича рожд. 1924 г. и Гузенко Владимира Михайловича рожд. 1926 года выехавших на работу в Германию 12 сентября 1942 года, из гор. Шахты Ростовской области.

12. Гуров Александр Семенович фельдпост № 04508 - брата Дудко Петра Захаровича рожд. 1901 года уроженца ст. Новониколаевской (Кубань) эмигрировавшего за границу в 1920 году.

13. Архипов Иван Федорович фельдпост № 04508 - дядю Самоходкина Алексея Аврамовича рожд. 1878-79 г. уроженца хут. Самоходкина ст. Букановской (Дон) эмигрировавшего за границу в 1920 г.

14. Самохин Тимофей Андреевич фельдпост № 04508 - шурина Цанова Ивана Ивановича рожд. 1889-90 г. и дядю Долбина Ивана Ефремовича рожд. 1897 г. эмигрировавших за границу в 1920 г.

15. Быкадоров Леонтий Алексеевич фельдпост № 04508 - дочь Быкадорову Валентину Леонтиевну рожд. 1927 года уроженку ст. Орловской Сальского округа, выехавшую на работу в Германию 27 ноября 1942 года.

16. Кужильный Михаил Архипович фельдпост № 04508 - брата Кужильного Федора Кирилловича рожд. 1900 года уроженца хут. Ангелинского (Кубань) эмигрировавшего за границу в 1920 году и брата Кужильного Алексея Архиповича рожд. 1916 года уроженца хут. Отрубного Ивановского р-на (Кубань) находится на службе в одной из частей немецкой или казачьей части.

Манжин Павел Сысоевич, Ф. П. № 58736-В братьев Лавра и Ивана и двоюродн. братьев Федора и Георгия Ивановичей Манжиных.

Саломатин Борис Александрович, Ф. П. № 59624-С, - отца. Бестаев Сарди Владимирович, Ф. П. № 57055-С, - брата Митуша.

Лазарев Петр И., Ф. П. № 57529 - Николая и Владимира Ивановичей Инголенко и Павла Ильича Ильяшенко.

Швед Александр Евпатович, Ф. П. № 38243, - Александра Дмитр. Мороза, Вас. Ив. Шведа и Григория Тищенко.

Гуреев Иван Фатеевич, Ф. П. № 32500, с хутора Калача на Дону, - отца, хуторцов и станичников.

Шлиев Ив. Мих., Ф. П. № 48903, - Федора и Владимира Михайловичей Шлиевых, Ник. Прокоф. Федоренко, из ст. Тунельной, Кубань.

Есаул Соловьев Зотик Трифонович, Ф. П. № 57580 - Николая Зотовыча Соловьева, рожд. 1924 г., ст. Анастасиевская, Кубань.

Короленко Сергей, Ф. П. № 32500 - брата Николая Даниловича.

Сафонов Николай Андреевич, ст. Луганской, и Шашлов Иван Никитович - Ф. П. № 58979-В, ст. Букановской - знакомых и станичников.

Шидлаев Мих. Ант., ст. Казанской, Ф. П. № 58979-Б, - станичников.

Подъес. Меркулов Митрофан Терент., ст. Мигулинской, Ф. П. № 48472-Д - сыновей Ивана, Василия и Александра, и братьев.

Глухов Мефодий Васильевич, Ф. П. № 11660-Е, - брата Еременя.

Аввакумов Александр Александр., Ф. П. № 09229 - брата Ивана и отца подъесаула Ал. Ив. Аввакумова.

Пятибратов Владимир, ст. ВерхнеКундрюченской, Ф. П. № 11424-А, - братьев Ивана и Сергея.

Пафов Яхия Адигович, с аула Уляп, Шигунск. района (Майкоп) Ф. П. № 57055-С, - братьев.

Попов Ник. Григ., Ф. П. № 15542-В, - Григ. Григ. Попова. Козлов Константин, Ф. П. № 04508, из ст. Курганной, Кубань - брата Александра Евсеевича.

Окишневич Павел Кирил., ст. Упорной, Кубань, Ф. П. № 39279-С, - братьев Ивана и Петра, и двоюродн. братьев Михаила и Григория Веннаминовичей, из ст. Родниковской.

Лосев Ив. Ив., Ф. П. № 48871 - сына Алексея, брата Мартина и Чукарина Федора Ивановича.

Фенев Александр Егорьевич, Ф. П. № 56104 - сына Николая и племянника Ивана, из ст. Бекешевской.

Карпенко Влад. Мих., ст. Воронежской, и Тимошенко Федор Савельевич, Ф. П. № 56361-Е, - родных и знакомых.

Ес. Михаил Земцов, Ф. П., № 02306 - полк. Новикова Петра Пр., ес. Емцова Петра Кир., подъес. Беспалова Павла Фед., подпор. Кузминова Никиту Самуйловича и своего станичника Бирюкова Акима Фед.

Ст. лейтенант Гондаренко, фельдпост № 56 400

по просьбе казаков из одной воинской части просит отозваться следующих лиц:

Дьяконов Иван Филинович, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Кулибабин Михаил Цикитич, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Назаров Григорий Никифорович, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Попов Павел Иванович, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Назаров Матвей Никифорович, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Чурбаков Яков Ильич, урож. ст. Усть Белокалитвенской Донской Области.

Шацкий Василий Павлович, рожд. 1897 г. урож. ст. Гнагнискской Кубанской Области.

Сверкун Иван К., эвакуиров. из с. Воскресенка Ново-Васильевского р-на Зап. Обл.

Сверкун Надя, эвакуиров.-из с. Воскресенка Ново-Васильевского р-на Зап. Обл.

Ленешкин Федор Никифорович, рожд. 1913 г. урож. ст. Цеминской хут. Егорлык Донской Области.

Карташов Михаил Николаевич, рожд. 1923 г. гор. Камешка Донской Области.

Петров Мойсей Семенович, рожд. 1912 г. урож. Белая Калитва Дон. Области.

Петров Карп Семенович, рожд. 1925г. хут. Свиная с. Белая Калитвенская Дон. Обл.

Колесников Иван Григорьевич, рожд. 1890 г. (эвакуир. из Украины).

Куделин Григорий Алексеевич эвакуир. из поселка Дербетовка Орджоникидзевского Края.

Куделин Михаил Григорьевич, эвакуир. из поселка Дербетовка Орджоникидзевского Края.

Касюков Николай Александрович, рожд. 1910 г., гор. Таганрог.

Яценко Василий Михайлович, рожд. 1908 г., гор. Таганрог.

Поляк Богуслав Ярослав, рожд. 1907 г. гор. Таганрог.

Мистин Андрей Петрович, рожд. 1907 г. гор. Таганрог.

Миронов Виктор Елизарович, гор. Таганрог.

Бондарь Борис, урож. с. Романовка Сталинской Области.

Попов Сергей Лаврентьевич, рожд. 1912 г. урож. ст. Богаевской.